

И.В. Кудряшова

Европа и «арабская весна»¹

Аннотация. Статья содержит анализ рамок взаимодействия ЕС / Запада и Арабского Востока в постбиполярную эпоху. На основе эмпирической базы автор исследует события 2010–2011 гг., порожденные сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, имеющих особую конфигурацию для каждой страны. В заключение рассматривается феномен «исламизации» политического пространства региона и подчеркивается объективный и современный характер этого процесса.

Abstract. The article explores the framework of cooperation between the EC / West and the Arab countries in the post-bipolar era. Using empirical data, the author examines the overwhelming events of 2001–2011, generated by a complex combination of external and internal factors that have a specific configuration for every country. It is concluded that on-going Islamization of political space in the region can be regarded as consistent and modern.

Ключевые слова: Барселонский процесс, Средиземноморский союз, «Расширенный Ближний Восток», демократизация, мусульманское общество, политический ислам, гибридный режим, политическое развитие, «арабская весна».

Keywords: Barcelona process, Mediterranean union, «Greater Middle East», democratization, reform, Muslim society, political Islam, hybrid regime, political development, «Arab spring».

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

В XX в. отношения Европы и арабских стран складывались непросто. Коллективная память арабов хранит воспоминания о декларации Бальфура, создании Израиля и войнах за освобождение Палестины, о мандатной системе Лиги Наций, установленной Антантой во имя «священной миссии цивилизации», о тяжелейшей борьбе за независимость, о геополитическом соперничестве сверхдержав и их союзников, раскалывавших «арабское отечество» на противоборствующие лагеря, о порожденных заимствованными стратегиями развития социокультурных и политических проблемах, особенно острых там, где их не «смягчали» весьма значительные запасы углеводородов.

Распад социалистической системы и самого СССР привел к эрозии эгалитаризма и резкому усилению капиталистической интернационализации, для которой не осталось отгороженных «железным занавесом» пространств. Новая Россия не проявила стратегического интереса к сотрудничеству с арабским миром. Он оказался наедине с Западом и его стратегическими интересами, имеющими в регионе достаточно противоречивый характер: это экономическая либерализация, политические реформы, поддержка Израиля и сохранение стабильности ради собственной энергетической безопасности и успешной борьбы с исламистским терроризмом.

Для новых экономических и политических реалий требовались новые форматы взаимодействия. Одни из них были разработаны и реализованы Европейским союзом (ЕС), другие – в первую очередь США при европейском участии. Собственно, активные действия Запада, особенно в 2000-х годах, по консолидации под своим влиянием этой части международной периферии породили многочисленные комментарии о «руке империализма» в событиях, за которыми закрепилось название «арабская весна»¹.

Опуская материалы, написанные в логике «всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх» (Высоцкий), мы хотели бы признать правоту тех авторов, которые отмечают значение внеш-

---

¹ Под «арабской весной» имеются в виду массовые антиправительственные выступления в странах Ближнего Востока, начавшиеся в декабре 2010 г. с волнений в Тунисе.

них факторов в сегодняшних арабских кризисах. Однако, по нашему мнению, их воздействие имело очень неоднозначный характер: в большинстве случаев оно проявилось опосредованно, не было доминирующим и имело макрорегиональную («расширенно-ближневосточную»), а не американскую или европейскую привязку. Одновременно это означает признание спонтанности и автономности «арабской весны», ее неожиданности для Европы и мира в целом. Чтобы аргументировать нашу позицию и оценить перспективы европейско-арабских отношений в свете происходящих трансформаций, представляется необходимым осветить следующие вопросы: а) результаты освоения ближневосточного пространства западной коалицией / ЕС в 1990–2000-х годах; б) факторы выживаемости и дестабилизации арабских режимов; в) перспективы преодоления кризиса в условиях «исламизации» политического процесса.

Запад: проекты и реальная политика

Освобождение Кувейта силами многонациональной коалиции во главе с США в 1991 г. стало первым масштабным актом вхождения Запада в ближневосточное пространство после распада bipolarности. Успех этой операции рельефно выявил новые возможности установления многостороннего контроля над регионом и его подключения к процессам формирования нового мира. Арабский Восток вновь начал восприниматься как естественная зона для европейского расширения.

В начале 1990-х годов Европейский союз приступил к подготовке проекта Евросредиземноморского партнерства (EUROMED)¹, старт реализации которого был дан учредительной конференцией в Барселоне (1995). Проект имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер и был направлен, особенно учитывая уча-

---

¹ *Евросредиземноморское партнерство (Барселонский процесс) – соглашения об ассоциации ЕС и восьми арабских стран Южного и Восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.*

стие Израиля, на установление новой рамки геополитического взаимодействия с арабскими соседями.

Партнерство имело три измерения: политическое, финансово-экономическое и социокультурное. Первое выражалось в намерении превратить Средиземноморье в зону мира и стабильности, что подразумевало продвижение законности и демократии, уважение прав человека, борьбу с терроризмом, контроль над вооружениями и пр. Второе предусматривало либерализацию предпринимательской деятельности, экономическое сотрудничество, финансовую поддержку и образование в перспективе зоны свободной торговли. Третье было нацелено на диалог между религиями и культурами и развитие человеческих ресурсов, в том числе через образование, здравоохранение и свободную миграцию [см.: Barcelona declaration., 1995].

В 2004 г. произошло дополнение EUROMED стратегией Европейской политики соседства (ENP), в которую после снятия санкций вошла также и Ливия. Инструменты ENP были призваны содействовать более интенсивному политическому диалогу, расширению доступа к программам ЕС и усилению сотрудничества в сфере законности и внутренней политики.

Несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации евросредиземноморской инициативы к середине 2000-х годов выглядели неоднозначно. В частности, эксперты отмечали отсутствие ясного политического посыла, недостаточность усилий по запуску реформ, несбалансированность отношений между членами ЕС и партнерами, медлительность в финансовом сотрудничестве, бюрократизацию и пр. [Rhein E., 2005, p. IX-X]. Самир Амин прямо назвал партнерство банкротом из-за отсутствия подлинного диалога между Европой и арабами, стремления «навязать» интеграции Израиль и раздел единого арабского мира на «средиземноморский» и «несредиземноморский» [Amin S., 2005, p. 90]. Субрегиональную (арабскую) интеграцию крайне затрудняли несбалансированная интегрирующая среда, т.е. однотипное и при этом неравномерное развитие, и политические разногласия.

Крайне негативное влияние на деятельность EUROMED оказала война в Ираке, начатая в 2003 г. США при поддержке многонациональной коалиции. На юбилейном саммите 2005 г. из араб-

ских лидеров присутствовал только глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас.

Вдохнуть жизнь в затухающее сотрудничество был призван проект нового союза, который ограничил бы число участников партнерства средиземноморскими странами. Выдвинутый Николя Саркози во время президентской кампании 2007 г., он нес четыре основные идеи: пересмотр прежней неэффективной политики; усиление роли Франции как главного игрока в Средиземноморье; повышение роли региона в глобальной экономике (что подразумевало прямой доступ ЕС к газовым месторождениям Северной Африки); решение проблемы нестабильности южных рубежей. Однако французская инициатива встретила сильное противодействие со стороны Германии, воспринявшей ее как продвижение национальных интересов Франции за счет ЕС. В итоге проект Средиземноморского союза (UfM) был представлен как естественное продолжение Барселонского процесса и региональное дополнение Европейской политики соседства. Его стратегическими целями остались экономическая интеграция и демократические реформы, хотя приоритетные направления были «приземлены» и конкретизированы. Это борьба с загрязнением Средиземного моря, развитие транспортной инфраструктуры, открытие совместного университета, содействие малому и среднему бизнесу и др. [см.: Euro-Mediterranean...].

Размышляя о не слишком эффективной политике ЕС по «европеизации» Восточного и Южного Средиземноморья, следует учитывать деятельность других внешних акторов, в том числе с «европейской компонентой», – НАТО, «группы восьми», финансовых институтов ООН и, конечно, США, которые в качестве своей внешнеполитической цели стали рассматривать продвижение реформ на Арабском Востоке.

В 1994 г. был запущен Средиземноморский диалог, мыслившийся как форум сотрудничества в целях содействия региональной безопасности и лучшему взаимопониманию между НАТО, Израилем и шестью арабскими странами¹. По оценке специалистов, эта структура объективно была обречена на достаточно ограни-

---

¹ *Участниками диалога являются Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Египет и Иордания.*

ченную роль из-за политических разногласий между участниками, и ее скорее можно назвать инструментом укрепления доверия и превентивной дипломатии [Orfy M.M., 2011, p. 28–29]. В 2004 г. она была дополнена Стамбульской инициативой сотрудничества¹, принятой в целях развития практического двустороннего сотрудничества с заинтересованными странами региона [см.: NATO elevates...].

В 2004 г., после вторжения в Ирак, США на саммите G8 выдвинули мегаплан «Расширенного Ближнего Востока»², предусматривающий ускоренное продвижение политических и экономических реформ на огромной территории от Мавритании до Пакистана³. Он был критически воспринят – и не только в арабском мире – по целому ряду причин: безапелляционного тона, игнорирования разнообразия региона, отсутствия каких-либо консультаций, в том числе с европейскими партнерами, замалчивания арабо-израильского конфликта и др. «Мы не заинтересованы в продолжающихся разговорах о “расширенном Ближнем Востоке”. Мы заинтересованы в нашем арабском регионе... Арабский путь к реформе будет осуществляться в соответствии с арабскими приоритетами», – так выразил отношение к этому плану бывший египетский президент Хосни Мубарак [Al-Ahram, 2004]. Одновременно у администрации Джорджа Буша не возникло обоснованных идей относительно того, как можно добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с EUROMED) и специализированных программ Госдепартамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (MEPI) [см.: Alterman J.V., 2004, p. 84–85]. Основ-

---

¹ Участниками инициативы являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

² Официальное название – «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом расширенного Ближнего Востока и Северной Африки».

³ Инициатива включала пять основных компонентов: создание организационных рамок для обсуждения реформ представителями гражданских структур; формирование группы помощи демократическим реформам с участием организаций США и ЕС; учреждение многостороннего фонда для продвижения политических изменений; учреждение Ближневосточного корпуса грамотности; запуск пилотной программы для поощрения предпринимательства, формирования среднего класса, гражданского образования, новых неправительственных организаций и тренинга политических лидеров в вопросах демократии.

ным каналом «продвижения демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций (Агентство США по международному развитию (USAID), Национальный фонд поддержки демократии (NED) и др.) по развитию гражданского общества. С приходом к власти Барака Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование подобных политических структур и программ было значительно сокращено.

По нашему мнению, США придавали и придают огромное значение «построению демократии» в Ираке, рассматривая его как своего рода «пилотный проект» мегаплана. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству», как охарактеризовал ее Алексей Богатуров [Богатуров А.], оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009), где он много говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека [Obama B.].

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х годов, имели для арабского мира очень неоднозначные последствия. Либерализация экономики¹ и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществлять инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Тунис, Си-

---

¹ С 1995 по 2005 г. в ВТО вступили следующие государства – члены Лиги арабских государств: Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Тунис; еще семь арабских стран являются кандидатами.

рия). Реформа этого сектора помимо социально-экономических последствий была «идейно чувствительной» в силу его привязки к борьбе за независимость, арабскому социализму и принципам эгалитаризма.

В результате структурной перестройки экономики в соответствии с крайне консервативным (или, точнее, неолиберальным) Индексом экономической свободы¹ 2010 г. «преимущественно свободными» были признаны Бахрейн и Катар, «умеренно свободными» – Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия (КСА), «преимущественно несвободными» – Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» – остальные² [2010 Index...].

Мировой кризис 2008–2009 гг. по-разному, но очень значительно затронул Арабский Восток, увеличив социально-политическое давление на правящие элиты. Рост цен на продовольствие в первую очередь ударил по нефтяным экономикам (регион является крупнейшим в мире импортером зерновых и продуктов питания). Прежде всего это коснулось Йемена, Магриба, Иордании, Ливана, а также Египта, осуществлявшего субсидирование основных продуктов питания. Наиболее диверсифицированные экономики (Египет, Иордания, Ливан, Марокко и Тунис) пострадали от сокращения внешнего спроса (снижения туристического потока, уменьшения перечислений рабочих-иммигрантов и прямых иностранных инвестиций). Нефтепроизводители выиграли от роста цен на сырье, но высокие цены поддерживались за счет существенного сокращения производства. Они также понесли большие потери от кризиса ликвидности и замораживания оптовых рынков [подробнее см.: Economic development.; 2010 Economic prospects...].

Как же оценить сотрудничество региона с Европой / Западом в 1990–2000-х годах? С одной стороны, оно вызвало распространение рыночных механизмов, рост ВВП, а также стандартов жизни, информационной открытости, уровня образования, спо-

---

¹ Ежегодно рассчитывается «Херитедж фаундейшн» и «Уолл-стрит джорнал»; страны приведены в соответствии с занимаемым местом по нисходящей.

² Для сравнения: индекс КСА – 64,1, Египта – 59,0, Алжира – 56,9, России – 50,3 [2010 Index...].

собствовало появлению новых групп интересов, которые хотели бы влиять на принятие политических решений, с другой – не продвинуло демократические реформы, т.е. политическую инфраструктуру урегулирования будущих кризисов. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать в политическом процессе. Ниже мы проанализируем его более подробно.

Стабильность и кризис арабских режимов

С началом постбиполярной эры и активного подключения к капиталистической интернационализации / глобализации арабские элиты были вынуждены задуматься о проведении политических реформ с целью укрепления легитимности на международной и внутренней арене. В той или иной степени реформы затронули как республиканские, так и монархические системы. Приведем лишь некоторые примеры: 1989 г. – после более чем двух десятилетий «каникул» возобновлены парламентские выборы в Иордании; 1990 г. – расширен состав сирийского парламента за счет увеличения квоты для независимых депутатов; 1992 г. – восстановлены регулярные выборы в Кувейте, принят «Основной закон о государственной власти» и образован Консультативный совет в КСА¹; 1993 г. – первые многопартийные выборы в Йемене; 2002 г. – муниципальные выборы (с участием женщин) и выборы в Палату представителей в Бахрейне; 2003 г. – принятие Конституции в Катаре, провозгласившей принцип прямых выборов в будущую законодательную ассамблею; 2005 г. – частичные муниципальные выборы в КСА, первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте и наделение женщин Кувейта пассивным и активным избирательным правом; 2006 г. – первые частичные (половины из 40 депутатов) непрямые выборы в Национальный федеративный совет ОАЭ² при установленной квоте каждого из эмиратов и расширение состава Консультативного совета КСА до 150 членов. С 2003 г. в КСА (при формальном, как и в других аравийских монархиях, запрете политических партий) стал функционировать Центр нацио-

---

¹ *Королевство Саудовская Аравия.*

² *Объединенные Арабские Эмираты.*

нального диалога имени короля Абдель Азиза с целью создать «новую среду, способствующую диалогу между различными секторами общества во имя продвижения общественного интереса и консолидации национального единства на основе ислама». Ежегодные раунды диалога через организацию широких дискуссий и собраний последовательно на локальном, провинциальном и национальном уровнях посвящены актуальнейшим вопросам в жизни общества: от «террористического подполья» (обвиняющего короля в отходе от исламских норм) до прав и обязанностей женщин и взаимодействия с другими культурами и миром [см.: Марказ аль-малик...].

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ, уровнем политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с исламистским экстремизмом). В первую очередь это касалось влиятельных исламистских организаций. Например, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности бывший президент Зин аль-Абидин Бен Али в 1992 г. запретил партию «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечил политическую монополию собственной Конституционной демократической партии. Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении, введенного после убийства президента Анвара Садата в 1981 г., и отказался легализовать крупнейшую оппозиционную ассоциацию «Братья-мусульмане», члены которой участвовали в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Более того, в поправках к Конституции, внесенных в 2007 г., содержался запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию, а выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной партией. В официальном дискурсе при Мубараке одновременно присутствовали элементы национализма, арабизма, социализма и ислама. Бюрократический контроль над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

В Сирии, где в 2000 г. власть после смерти президента Хафеза Асада перешла к его сыну, была конституционно закреплена ведущая роль левоцентристской партии Баас, которой принадлежало

право выдвижения кандидата в президенты. Национальный прогрессивный фронт, состоящий из Баас и ее союзников, в 2007 г. получил на парламентских выборах 167 мест из 250. И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни играла армия, имевшая собственную экономическую базу, состоявшую из промышленных предприятий, строительного бизнеса, пенсионных фондов и др.

В Ливии Муаммар Каддафи эффективно использовал традиционные институты (союзно-вассальные связи племен и ислам). Племенной этос¹ был соединен с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Все население страны делилось на первичные народные собрания. Всеобщий народный конгресс по сути представлял собой разновидность великого совета, одобрявшего решения первичных собраний, но не делавшего политику. Подлинным законом общества в «Зеленой книге» были провозглашены ислам вкупе с обычаем. Власть стала принадлежать всем – и вопрос о ее подотчетности как бы отпал. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи стал «просто» вождем. Единственными живыми политическими организациями оказались консервированные традиционалистские силы – племена и разнообразные исламские группы.

Причудливое сочетание авторитарных и либеральных начал позволяет определить выживаемость арабских режимов в 1990–2000-х годах как комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности, при которой уровень репрессий остается относительно стабильным, а уровень легитимности и ее источники изменяются. Вовне в институциональном плане легитимность обеспечивали новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса, технократов, получивших образование на Западе и использующих общий с ним язык. Широкое распространение полу-

---

¹ *Этос* (греч. – *обычай, нрав, характер*) – термин древнегреческой философии, обозначающий совокупность устойчивых, стабильных черт характера индивида вследствие его неизменности.

чила «экономизация» политического дискурса, т.е. удерживание конкретных экономических решений и программ в публичном поле.

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью кооптацию во власть представителей патримониальных структур ради поддержания национальной консолидации «без размежевания». Но и большинство населения в силу доминирования парохиально¹-подданнического² типа культуры голосовало (там, где действовал институт выборов) не за партийные программы или идеологию, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные услуги (не общественные блага, но помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности был низким: например, в Египте в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28% избирателей, президентских – менее 24% [Shehata S., 2008, p. 114]. Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи (это также очень характерно для монархических систем, где поддерживается система неформального доступа к власти имущим) определяла статичность политического процесса.

Как ни парадоксально, но реально действующими социальными организациями, способными обеспечить лояльность индивидов, служить сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, оставались мусульманские общины. Этим обусловлено и влияние исламистских организаций как единственной автономной оппозиционной политической силы.

---

¹ *Парохиаальный (приходской, «местечковый», патриархальный) тип политической культуры, для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности.*

² *Подданнический тип политической культуры с сильной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем индивидуальной активности граждан.*

В политической науке наиболее распространенное определение политических режимов Арабского Востока – гибридные, т.е. режимы соревновательного авторитаризма (за исключением традиционного авторитаризма аравийских монархий и слабokonсолидированной ливанской демократии, воспроизводящейся благодаря исторической многосоставности общества). Ларри Даймонд охарактеризовал режим Хосни Мубарака как «гегемонически-электоральный авторитаризм». Однако термин «соревновательный авторитаризм» фиксирует лишь сосуществование авторитарных и либеральных начал. Это видимая часть айсберга, или гибридность в узком понимании слова. При учете хронополитических фаз развития арабских государств гибридность можно трактовать шире – как синтез традиционных и современных структур, обусловленный объективной двойственностью учреждающих оснований политических систем, приобретенной в результате неорганической модернизации.

И последний вопрос перед темой арабских революций: почему недемократические режимы региона так долго сохраняли свою устойчивость? На наш взгляд, дело здесь не в «хронической несовместимости ислама с демократией», а в том, что они имеют свои источники легитимности и подавления: традиционные ценности, неопатримониализм, возможность использования силы и неформальных механизмов наряду с современными институциональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом политических, экономических и культурных ресурсов.

Выше мы отмечали противоречивость взаимодействия Запада и Арабского Востока. Но западное влияние не было прямой причиной дестабилизации – и Европа, и США в целом действовали очень прагматично, особенно после исчерпавших себя «войн за демократизацию». Когда объективные причины (перебои в сбыте нефти, истощение бюджета, падение уровня жизни и пр.) вынудили Каддафи искать пути выхода из изоляции и объявить об отказе от оружия массового уничтожения и согласии выплатить компенсации родственникам погибших в терактах над Локерби и в Нигерии, международные санкции были сняты. В Ливии стали свободно работать западные нефтяные компании на основе соглашений о разделе продукции с Национальной нефтяной корпорацией.

На арене появился и единственный ливийский «реформатор» – Сейф-аль-Ислам аль-Каддафи, который, правда, не занимал никаких официальных постов, но встречался с западными лидерами, говорил о подготовке конституции (проект которой так и не был опубликован) и защите прав человека. Старший Каддафи совершал официальные визиты во Францию, Испанию, Италию и не раз упоминал о дружбе с Сильвио Берлускони. Об этом прагматизме говорят и упоминавшаяся «приземленность» программ в рамках Средиземноморского союза, и стратегические союзные отношения США и НАТО с аравийскими монархиями. Исключением является, вероятно, Сирия, которую Джордж Буш за «поддержку терроризма» причислил к государствам-изгоям, но и она продолжала поставлять нефть Германии, Италии и Франции.

Однако общее влияние международной среды было очень велико и выразилось прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах глобализации» (уровень и качество жизни в различных странах мира, подотчетность власти, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Усилившаяся под влиянием экономических факторов трудовая миграция в Европу также способствовала восприятию новых политических образцов. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий (с помощью ЕС и частных компаний) привело к распространению неформальных сетей, которые политические и социальноэкономические обстоятельства трансформировали в гражданские структуры (Движение 6 апреля в Египте и др.).

Конечно, серьезным дестабилизирующим фактором стал мировой экономический кризис, который усилил противоречия не только между обществом и правительством, но и между бюрократами и группами интересов внутри правительства (например, экономическим менеджментом и политической бюрократией).

Основные внутренние факторы «арабской весны», о которых мы также рассуждали выше, можно суммировать следующим образом:

– разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий и социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической либерализации, так и недоста-

точными компенсаторными механизмами (затрагивает экономическую и политическую подсистемы и характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов);

- отсутствие/слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов);

- значительный рост доли молодежи в демографической структуре (результат всплеска рождаемости в 1985–1990-х гг.) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей [подробнее см.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.];

- усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации;

- оскудение идейных ресурсов политических элит (национальная идея в арабском мире исторически имела форму лояльности государственной власти, однако в условиях быстрых социальных изменений ее несоответствие ожиданиям и политический цинизм привели к мощному всплеску народного возмущения).

Развитие и интенсивность процессов «арабской весны» определялись в каждой из затронутых ею стран конкретными комбинациями факторов. По спектру проявления их можно типологизировать следующим образом.

А. Массовые волнения, вооруженные конфликты:

Ливия – массовые волнения и вооруженный конфликт с внешним вмешательством; распад «джамахирийи», убийство Каддафи и объявление «переходного периода» с техническим правительством;

Йемен – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве и договоренность об отказе президента Али Абдаллы Салеха от власти и проведении свободных парламентских выборов;

Сирия – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве; обещание диалога с оппозицией и свободных выборов; замораживание членства в ЛАГ и международные санкции в связи с «применением насилия против мирных жителей».

Б. Общенациональные волнения и смена режима:

Тунис – общенациональные волнения и смена режима; свободные выборы;

Египет – общенациональные волнения и смена режима; переходный период во главе с военной администрацией; свободные общенациональные выборы.

В. Массовые беспорядки, перестановки в правительстве и внешнее вмешательство:

Бахрейн – массовые беспорядки со стороны шиитского населения с вводом военных сил Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); перестановки в правительстве и срочные денежные выплаты.

Г. Протесты, перестановки в правительстве, отдельные институциональные изменения, срочные экономические компенсации:

Алжир – массовые демонстрации и отмена режима чрезвычайного положения (введено в 1992 г.);

Марокко – протесты, перестановки в правительстве, конституционная реформа в сторону усиления законодательных полномочий парламента и гарантий независимости судебной власти, досрочные парламентские выборы;

КСА – протесты, срочные денежные выплаты, предоставление женщинам права голоса на выборах в муниципальные советы и Консультативный совет в 2013 г.;

Оман – протесты, перестановки в правительстве, заявление о придании законодательных полномочий обеим палатам Консультативного совета, срочные финансовые выплаты;

Ливан – протесты, перестановки в правительстве, повышение зарплат;

Иордания – протесты и перестановки в правительстве;

Кувейт – протесты, перестановки в правительстве, срочные денежные выплаты;

Ирак – протесты, кадровые перестановки на региональном уровне, обещание премьер-министра не выдвигаться на выборах 2014 г.;

Судан, Мавритания, САДР¹ – протесты.

---

¹ Сахарская Арабская Демократическая Республика.

Какие же арабские политии оказались на настоящий момент наиболее глубоко затронуты общественно-политическими трансформациями? Это республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными конфессиональными, политическими и социально-экономическими размежеваниями (Бахрейн).

Ход и направленность общественно-политических трансформаций определяются характером переживаемых этапов государственного и национального строительства. Учет этого обстоятельства позволяет определить перспективы происходящих процессов, взяв за основу уровень институционального развития:

- демократизация – Тунис, Египет;
- для остальных республиканских систем, Марокко и Иордании – ускорение либерально-демократических реформ;
- для монархий стран Персидского залива – плавная либерализация;
- состояние политического распада / полураспада – Ливия, Йемен, Сирия (ситуация в последней во многом зависит от внешнеполитической динамики, прежде всего отношений между Сирией, Ираном и КСА).

Примечательно, что первая реакция Европы/Запада на арабские кризисы была непоследовательной и несогласованной. Для мировых лидеров было характерно следование за событиями, противоречивость публичных заявлений и длительное определение официальной позиции. Так, французский министр иностранных дел за несколько дней до отставки президента Бен Али предлагала направить десантников для установления правопорядка [Мишель...], в то время как другие политики приветствовали выражение воли народа Туниса; из 28 стран НАТО, взявших обязательства по операции в Ливии, только 8 активно участвовали в ней (хотя частично это было вызвано разницей в оснащении и возможностях стран-участниц) [Marquand R.] и т.д. На ливийском примере хорошо заметно не только снижение активности США по сравнению с первой половиной 2000-х годов, но и отсутствие консолидирован-

ной позиции ведущих мировых игроков в условиях нехватки политических, военных и финансовых ресурсов.

Для региональной арены был характерен рост активности «местных» игроков: Израиля, Турции, КСА, Катара, ОАЭ, стремившихся использовать ослабление «недружественных режимов» в своих внешнеполитических и экономических интересах или, наоборот, помочь «друзьям» (наиболее показательны здесь случаи Сирии, Ливии и Бахрейна, в который впервые в истории ССАГПЗ были введены войска). В целом внешняя реакция на арабские кризисы подтверждает неопределенность развития современной международной ситуации и спонтанность участия.

Вместо заключения: Европа и исламский мир

Результаты выборов, прошедших в Тунисе, Марокко и Египте после прошлогодних волнений, свидетельствуют об исламизации политического пространства¹. Как же сотрудничать с этим «новым» миром? Некоторые исследователи полагают, что ислам в принципе не совместим с европейской современностью и, соответственно, демократией, поскольку не подвергнулся реформе и остался «целостным» (т.е. не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) [Elhadj E., 2008; Bruce S., 2003; Huntington S.P., 1996]. В то же время рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе. Поэтому о необходимости реформы, которая положит конец «тотальности» ислама и откроет путь в современность, активно писали и пишут представители исламского модернизма – в основном мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы [Хаким Р., 2003; Ramadan T., 2009; Ramadan T., 2004; Tibi B., 2009; Tibi B., 2008].

Спор о совместимости ислама с демократией кажется привычным и бесконечным. После начала «глобальной войны с терро-

---

¹ Умеренная исламистская партия «Ан-Нахда» – около 40% мест в Конституционной ассамблее Туниса (2011) [Tunisian elections]; умеренная исламистская Партия справедливости и развития – 27% мест на парламентских выборах в Марокко (2011) [Arieff A., p. 3]; исламистская Партия свободы и справедливости – 47,2%, традиционалисты «Ан-Нур» – 24,7% мест на парламентских выборах в Египте (2011–2012) [Аль-Ахрам].

ризмом» в 2001 г. он принял почти что экзистенциальный характер. По мнению Оливье Руа, критика ислама сблизила представителей двух интеллектуальных семейств, которые ранее находились в оппозиции друг к другу: первые видят Запад в первую очередь христианским, вторые – светским и демократическим [Roy O., 2007, p. 2–3].

Как представляется, большинство публичных дебатов на эту тему в той или иной степени продолжают страдать от методологических ошибок. Опуская фактор идеологической ангажированности, их можно определить следующим образом:

- статичный подход к исламу и демократии;
- приверженность европоцентричным историческим шаблонам (в частности, касательно взаимосвязи между секуляризацией и демократией);
- редуccionизм в восприятии исламского политического дискурса;
- невнимание к микросоциологии мусульманских обществ и, как следствие, отсутствие понимания индивидуальности современных мусульман (которые, кстати, и делают ислам духовно и социально «живым»).

Мы считаем, что ислам в политике – не препятствие современному развитию, которое большинство политологов понимают как дифференциацию политических структур и специализацию ролей, повышающих производительность политической системы. По-прежнему актуальна идея Люциана Пая о возможности зафиксировать развитие на трех срезах политического процесса: участии граждан в принятии решений, способности системы находить решения возникающих проблем и усложнении организации политики. В политической науке движение к демократии – это движение от гегемонии к участию, и в этом контексте расширение представительства, подключение к нему и исламистов, и новых молодежных движений, и либералов, и националистов сигнализирует о принятии новых правил игры и перспективах формирования коалиций и обновления политического курса.

Что же до пресловутого исламского радикализма, то можно ли считать радикалами мусульман, чьи жизненные стратегии определяет вера в Бога? В их сознании политические, общественные, юридические, экономические, образовательные институты вос-

принимаются не как светские, а как мусульманские, т.е. неразрывно связанные с исламом. Для верующих мусульман, таким образом, соединение политического и религиозного не является проблемой – проблема в том, какие цели ставит изначально санкционированная религией власть, насколько ее политический курс отвечает национальным интересам.

Иллюстрацией объективности происходящих процессов может быть светская со времен Ататюрка Турция. После очередного перехода власти от военных к гражданскому правительству в 1980-х годах там начинает происходить открытая корректировка самого концепта светского национализма, вызванная необходимостью ускорения развития и, следовательно, укрепления демократической системы как таковой. В 1986 г. при праволиберальном правительстве Тургута Озала была официально одобрена идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез, что открыло дорогу в политику религиозным сектам и исламистам. Первым «происламским» премьером Турции на короткий срок стал в 1996 г. Неджметтин Эрбакан – и тогда этот выбор казался многим случайным, а сами планы правящей коалиции – наивными. Но это была не случайность, а смена тенденций. В 2002 г. во власть уверенно вошла Партия справедливости и развития – социальные консерваторы, разделяющие исламские ценности. Сложнее ли стало взаимодействовать с Турцией, скажем, в рамках НАТО? Да, сложнее, но вполне возможно.

Важно также учитывать, что под одним термином могут прятаться разные феномены. «Аль-Каида», например, принципиально отличается не только от египетских «Братьев-мусульман», но и от военизированной ливанской «Хизбаллы». Это организация, которая не имеет национальных корней и национальных интересов. Ее абстрактный всемирный джихад «против иудеев и крестоносцев» в чем-то сродни всемирной борьбе за торжество либеральной демократии. Борьба с радикализмом этого типа можно и нужно, но не только военной силой, а еще и путем политического выдавливания из тех территориальных пространств, где он окопался. Консолидация национальной власти в мусульманских странах – главный враг «Аль-Каиды» и ей подобных, которые находят приют там, где есть политический вакуум, – в Афганистане, Пакистане, Йемене, Сомали.

Политический ислам, как показывает исторический опыт, способен к эволюции. Беда многих исламистских организаций (тех же «Братьев-мусульман») в том, что они, с одной стороны, аморфны, а с другой – не производят ревизии концепций и платформ, разработанных в иные политические периоды. Работы наиболее известного и радикального идеолога «Братьев» Сейида Кутба продолжают циркулировать по всему миру, пугая мирных обывателей, хотя относятся к периоду строительства арабского социализма и массовых репрессий против исламистов. Между тем интеллектуальные лидеры ассоциации прекрасно осознают как произошедшие в Египте социально-политические изменения, так и законы современной политики. Создав для участия в парламентских выборах 2011–2012 гг. Партию свободы и справедливости, они призвали все политические партии к сотрудничеству на основе общегражданских ценностей.

Появление во власти современных исламистских партий, для которых национализм – не антитеза исламу, но компонент его универсальной системы, а демократия, права человека и многопартийные выборы – необходимые предпосылки исламского строя, и есть демократизация по-арабски, или то самое «многообразие современностей», о котором писал Шмуэль Эйзенштадт. Парадокс в том, что сама демократизация постепенно влечет за собой снижение важности как секуляризма, так и религии.

А Европа? Европа задумалась над новой политикой соседства и заявляет о необходимости продвижения к «глубокой демократии» в Южном Средиземноморье, заодно разъясняя ее принципы [A new and ambitious...]. Безусловно, это правильные принципы, но, как мы убедились, учить демократии трудно. Эффективней и практичней помогать в разработке макроэкономической политики, улучшении бизнес-климата, образования, финансовой и правовой систем. Перспективное мышление, развитие двусторонних связей и регулярный диалог – самая надежная основа соседства.

Литература

Аль-Ахрам. – 2012 г. – 22 января (на араб. яз.). – Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg/The-First/News/126247.aspx> (Дата посещения: 24.01.2012).

Богатуров А.Д. «Принуждение к партнерству» и изъяны неравно-весного мира. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Prinuzhdenie-k-partnerstvu-i-izyany-neravnovesnogo-mira-15395> (Дата посе-щения: 18.01.2012).

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: Струк-турно-демографический анализ. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/03/04/egurev/> (Дата посещения: 10.12.2011).

Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний (Центр на-ционального диалога им. короля Абдель Азиза) (на араб. яз.). – Режим дос-тупа: <http://www.kacnd.org/> (Дата посещения 17.01.2012).

Мишель Аллио-Мари: «Когда я в отпуске, я не министр». – Режим доступа: <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20110206-mishel-allio-mari-kogda-ya-v-otpuske-ya-ne-ministr> (Дата посещения: 10.11.2011).

Хахим Р. Где наша Мекка? – Казань: Магариф, 2003. – 64 с.

2010 Economic prospects for the Middle East and North Africa region // World Bank. – Mode of access: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/0,,contentMDK:22449199~menuPK:2246554~pagePK:2865106~piPK:2865128~theSitePK:256299,00.html> (Дата посеще-ния: 23.01.2012).

2010 Index of economic freedom. – Mode of access: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf (Дата посещения: 23.01.2012).

Al-Ahram weekly. – 27.05–2.06.2004.

Alterman J.B. The false promise of Arab liberals // Policy review. – Wash., 2004. – N 125, June-July. – P. 77–88.

Amin S. The «Barcelona process» in the framework of neo-liberal global-ization // Dar al Islam – the Mediterranean, the world system and the wider Europe: the «cultural enlargement» of the EU and Europe’s identity / Ed. by Herrmann P., Tausch A. – N.Y.: Nova science publishers, 2005. – P. 85–97.

Arieff A. Morocco: Current issues. CRS report for Congress. – 2011. – 29 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21579.pdf> (Дата посещения: 28.12.2011).

Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean conference 27–28.11.1995. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf (Дата посещения: 12.01.2012).

Bruce S. Politics & religion. – Cambridge, Malden: Polity press, 2003. – 292 p.

Economic development in the Middle East and North Africa: General overview // World Bank. – Mode of access: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/EXTMNAREGTOPPOVRED>

/0,,contentMDK:22371114~menuPK:6794857~pagePK:34004173~piPK:34003707~theSitePK:497110,00.html (Дата посещения: 23.01.2012).

Elhadj E. The Islamic shield: Arab resistance to democratic and religious reforms. – Boca Raton, Florida (USA): BrownWalker press, 2008. – 272 p.

Euro-Mediterranean partnership (EUROMED). – Mode of access: http://eeas.europa.eu/euromed/index_en.htm (Дата посещения: 13.01.2012).

Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of the modern world. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 367 p.

Marquand R. Could NATO's Libya mission be its last hurrah? – Mode of access: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2011/0824/Could-NATO-s-Libya-mission-be-its-last-hurrah> (Дата посещения: 13.01.2011).

NATO elevates Mediterranean Dialogue to a genuine partnership, launches Istanbul Cooperation Initiative. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/update/2004/06-june/e0629d.htm> (Дата посещения: 14.01.2012).

A new and ambitious European Neighbourhood Policy. MEMO 11/342. – Mode of access: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/11/342&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (Дата посещения: 23.01.2012).

Obama B. Remarks on the new beginning. Cairo university, Cairo, Egypt. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (Дата посещения: 18.01.2012).

Orfy M.M. NATO and the Middle East: the geopolitical context post 9/11. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2011. – 234 p.

Ramadan T. Western Muslims and the future of Islam. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 278 p.

Ramadan T. Radical reform: Islamic ethics and liberation. – N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – 372 p.

Rhein E. Foreword // Calleya S.C. Evaluating Euro-Mediterranean relations. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2005. – P.IX–XIV.

Roy O. Secularism confronts Islam. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 128 p.

Shehata S. Inside an Egyptian parliamentary campaign // Political participation in the Middle East / Ed. by Lust-Okar E., Zerhouni S. – L.; Boulder: Lynne Rienner publishers, 2008. – P. 95–120.

Tibi B. Political Islam, world politics and Europe: Democratic peace and Euro-Islam versus global jihad. – N.Y.: Routledge, 2008. – 311 p.

Tibi B. Islam's predicament with modernity: Religious reform and cultural change. – N.Y.: Routledge, 2009. – 407 p.

Tunisian elections - Live updates. - Mode of access: <http://www.tunisia-live.net/2011/10/23/tunisian-elections-live-updates/> (Дата посещения: 28.11.2011).